

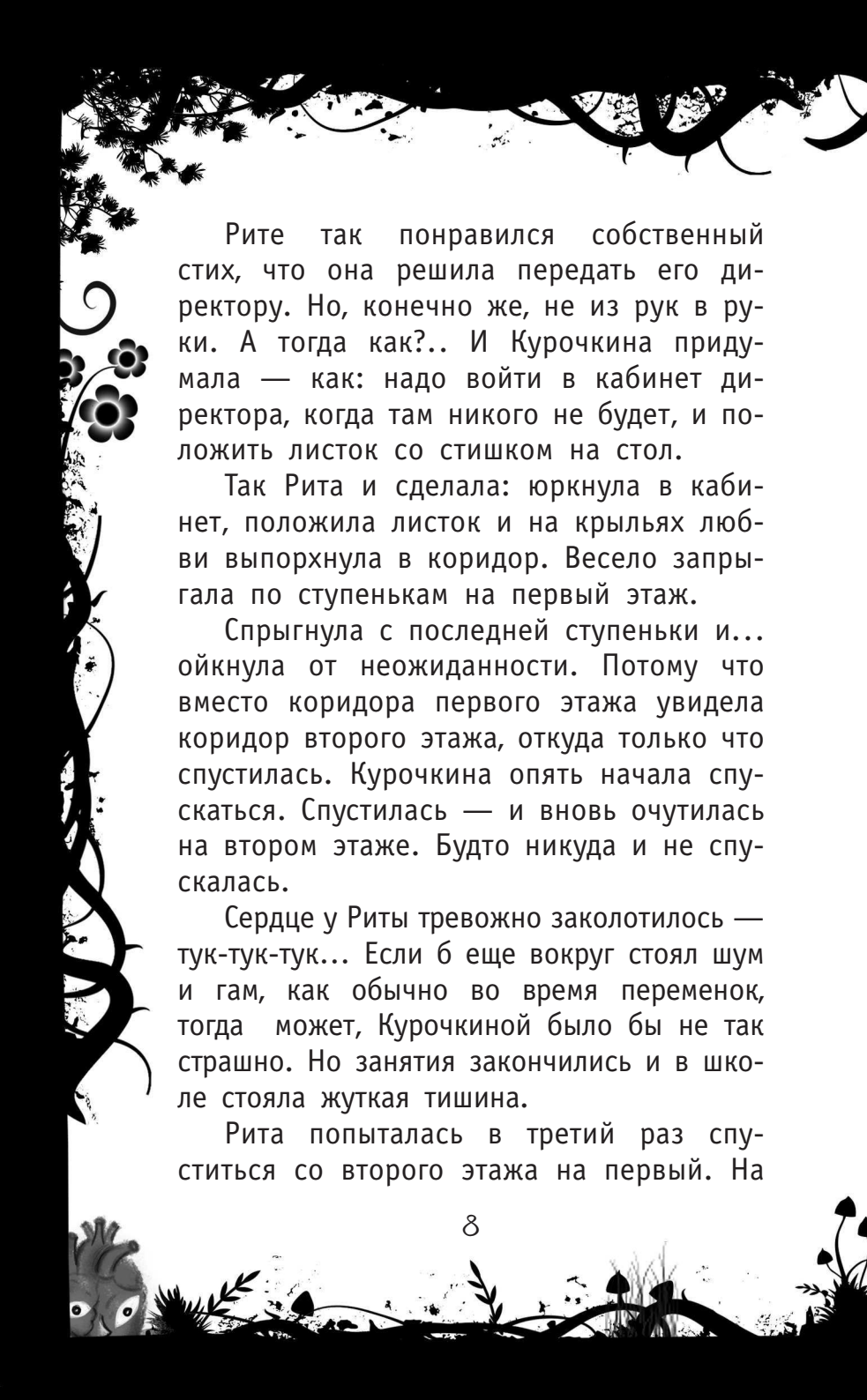
Глава I

«ОТДАЙ СВОЕ СЕРДЦЕ!»

Рита Курочкина влюбилась. И не в ко-го-нибудь, а — в директора школы. Имя у директора было прикольное — Агафон. А отчество еще прикольнее — Евлампиевич. Но для влюбленной Риты это имя-отчество звучало как музыка: Агафо-о-он... Евла-а-ампиевич... И фамилия директора звучала для Риты музыкой: Купоро-о-сов.

Как только Курочкина влюбилась, так сразу же сочинила любовное стихотворение:

Я от вас балдею, тащусь и фонарею.
Как случилось это — сама не пойму.
Но сказать вам я никогда не посмею,
Что люблю я вас. Понимаете? Люблю!

Рите так понравился собственный стих, что она решила передать его директору. Но, конечно же, не из рук в руки. А тогда как?.. И Курочкина придумала — как: надо войти в кабинет директора, когда там никого не будет, и положить листок со стихом на стол.

Так Рита и сделала: юркнула в кабинет, положила листок и на крыльях любви выпорхнула в коридор. Весело запрыгала по ступенькам на первый этаж.

Спрыгнула с последней ступеньки и... ойкнула от неожиданности. Потому что вместо коридора первого этажа увидела коридор второго этажа, откуда только что спустилась. Курочкина опять начала спускаться. Спустилась — и вновь очутилась на втором этаже. Будто никуда и не спустилась.

Сердце у Риты тревожно заколотилось — тук-тук-тук... Если б еще вокруг стоял шум и гам, как обычно во время переменок, тогда может, Курочкиной было бы не так страшно. Но занятия закончились и в школе стояла жуткая тишина.

Рита попыталась в третий раз спуститься со второго этажа на первый. На

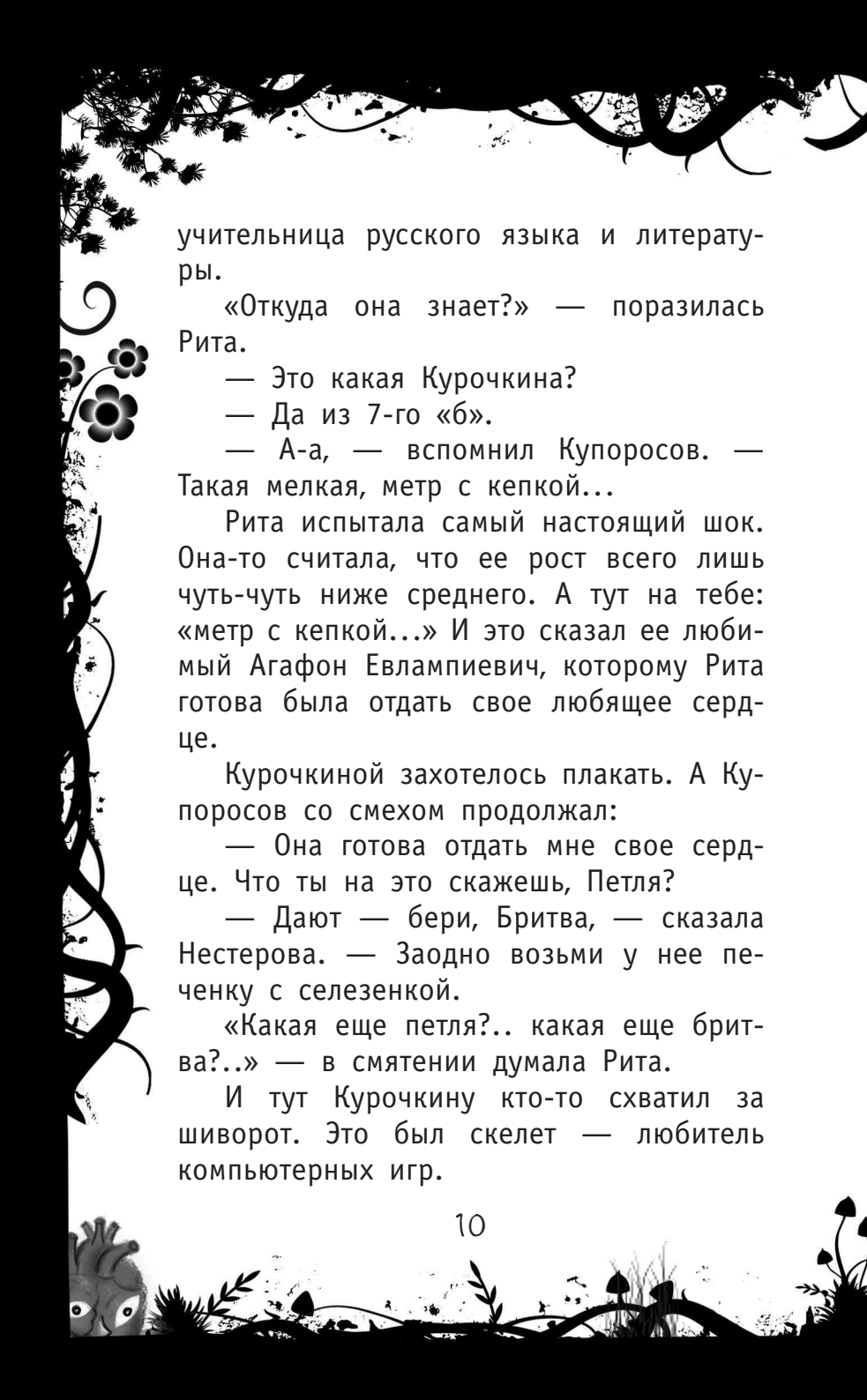
лестнице уже было темно. И вдруг Курочкиной почудилось, что в этой темноте кто-то притаился. У Риты от страха не только сердце застучало — тук-тук-тук, но еще и зубы заклацали — клац-клац-клац... А из темнотищи раздался квакающий смех: кхваа-кхваа-кхваа... Так могла бы смеяться лягушка, если б умела.

Курочкина — ноги в руки и бежать!.. Забежала в какой-то кабинет и увидела какого-то человека. Тощего как скелет. Пригляделась Рита — а это и вправду скелет!.. Нажимая костяшками пальцев клавиши на клавиатуре, скелет играл в компьютерную игру. По экрану монитора друг за дружкой гонялись маленькие скелетики.

Курочкина пулей вылетела в коридор. И услышала голос Купоросова. Ритины страхи сразу как ветром сдуло. Но тут до нее дошло, что Купоросов читает ее стихотворение.

— Я от вас балдею, тащусь и фонарею... — читал директор. — Интересно, кто написал эту чушь?

— Курочкина написала, — ответила Екатерина Васильевна Нестерова —

учительница русского языка и литературы.

«Откуда она знает?» — поразились Рита.

— Это какая Курочкина?

— Да из 7-го «б».

— А-а, — вспомнил Купоросов. — Такая мелкая, метр с кепкой...

Рита испытала самый настоящий шок. Она-то считала, что ее рост всего лишь чуть-чуть ниже среднего. А тут на тебе: «метр с кепкой...» И это сказал ее любимый Агафон Евлампиевич, которому Рита готова была отдать свое любящее сердце.

Курочкиной захотелось плакать. А Купоросов со смехом продолжал:

— Она готова отдать мне свое сердце. Что ты на это скажешь, Петля?

— Дают — бери, Бритва, — сказала Нестерова. — Заодно возьми у нее печенку с селезенкой.

«Какая еще петля?.. какая еще бритва?..» — в смятении думала Рита.

И тут Курочкину кто-то схватил за шиворот. Это был скелет — любитель компьютерных игр.

— Попалась, детка! — прокляцал он своими скелетскими челюстями и поволок Риту в кабинет директора.

А в кабинете сидели Купоросов и Нестерова — с зелеными лицами.

— Что, крошка, — хочешь отдать мне свое сердце?.. — В руке директора появилась старинная бритва с перламутровой ручкой. — Сейчас я вырежу его из твоей груди.

— Ой, мамочка, — в испуге пискнула Рита.

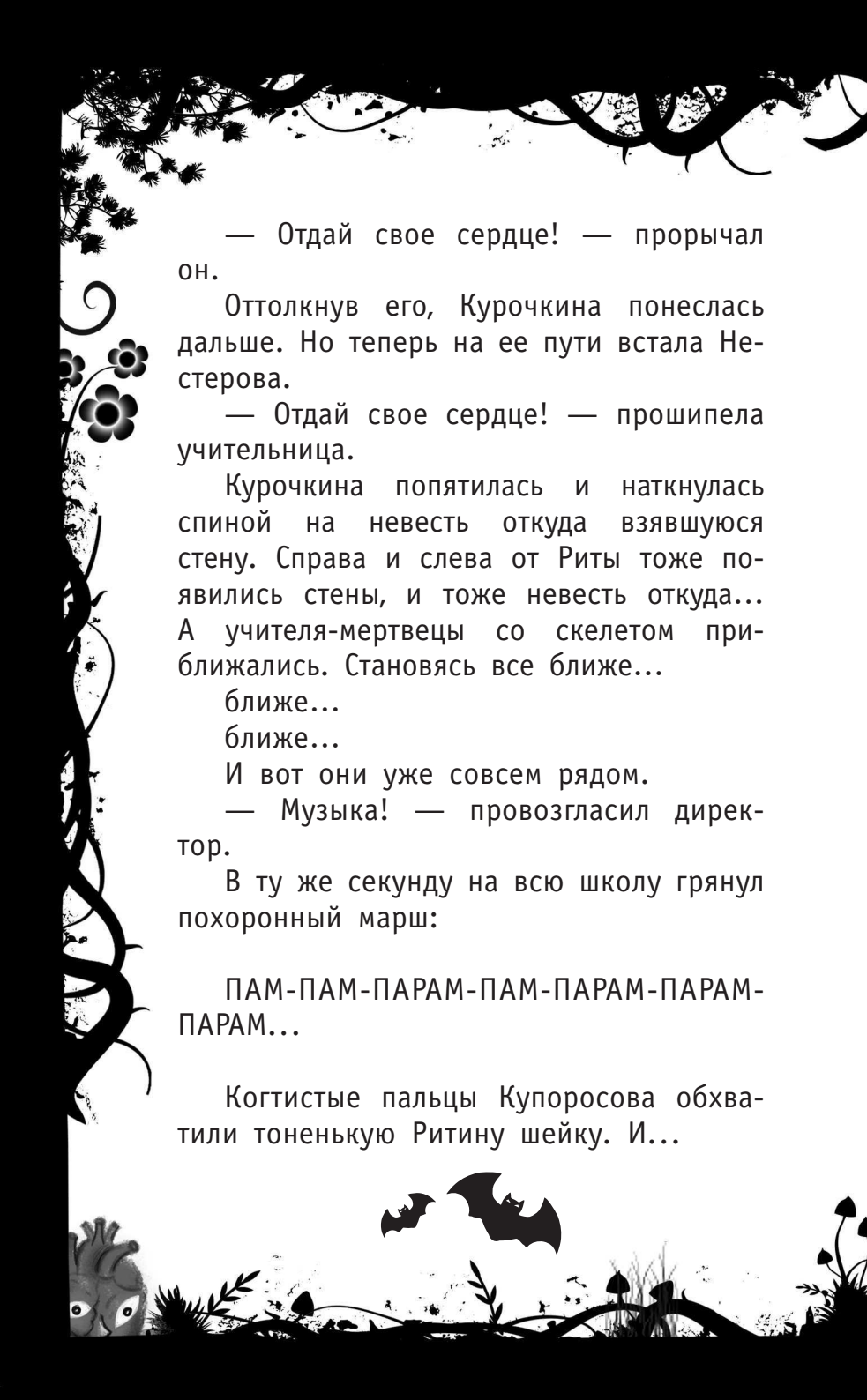
— Ой, мамочка, — передразнила ее Нестерова, потрепав по щеке.

Рука у Нестеровой была холодная-прехолодная. Как у мертвеца. И Рита отчетливо поняла, что Нестерова и есть мертвец. И Купоросов — мертвец. И еще Рита поняла: если она сейчас от них не убежит, то тоже станет мертвецом.

И Курочкина пустилась наутек.

— Ха-ха-ха, — захохотал директор. — Далекo не убежишь!

И точно — далеко Рита не убежала. Не успела она выскочить из кабинета, как дорогу ей преградил все тот же Купоросов.

— Отдай свое сердце! — прорычал он.

Оттолкнув его, Курочкина понеслась дальше. Но теперь на ее пути встала Нестерова.

— Отдай свое сердце! — прошипела учительница.

Курочкина попятилась и наткнулась спиной на невесть откуда взявшуюся стену. Справа и слева от Риты тоже появились стены, и тоже невесть откуда... А учителя-мертвецы со скелетом приближались. Становясь все ближе...

ближе...

ближе...

И вот они уже совсем рядом.

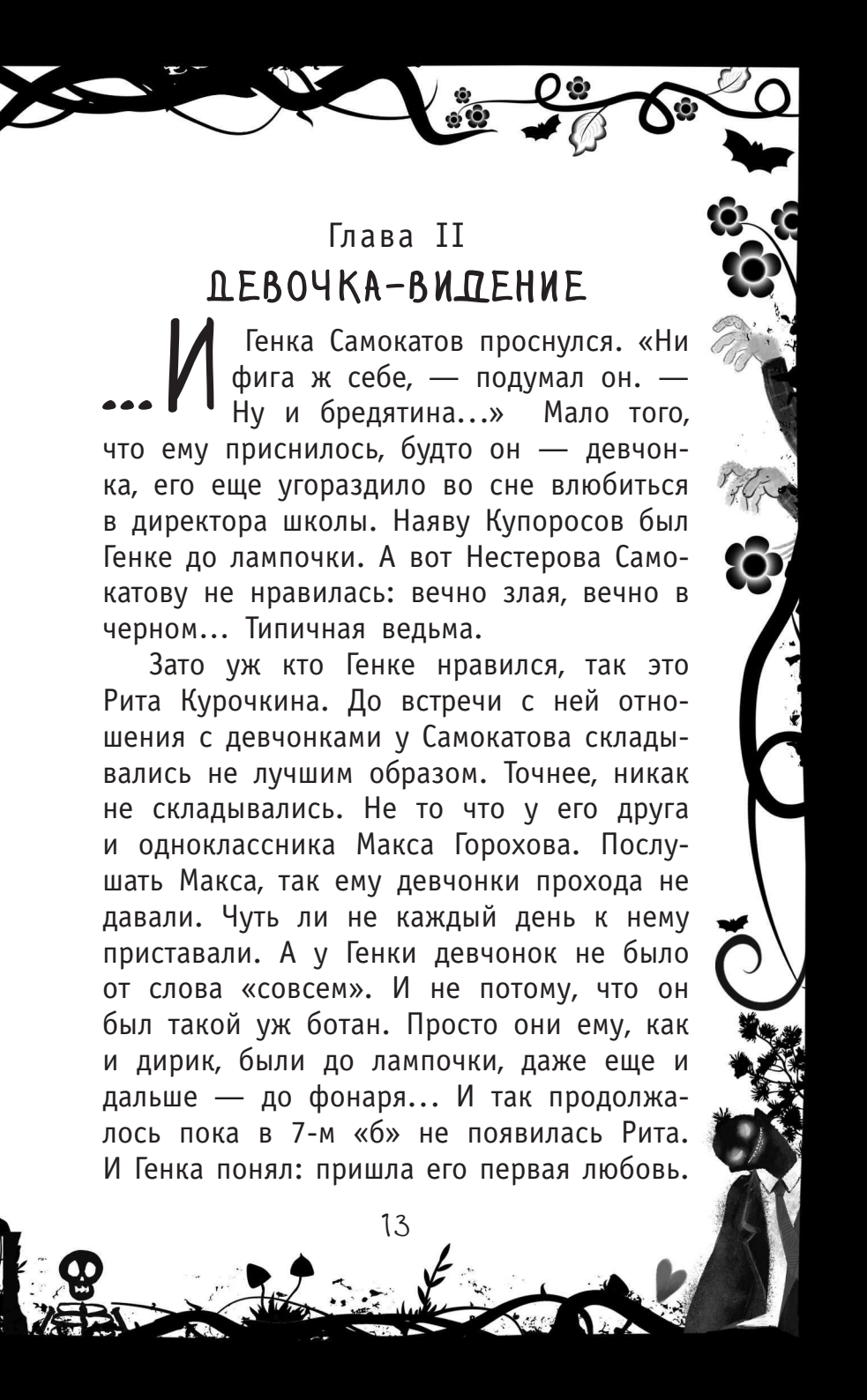
— Музыка! — провозгласил директор.

В ту же секунду на всю школу грянул похоронный марш:

ПАМ-ПАМ-ПАРАМ-ПАМ-ПАРАМ-ПАРАМ-
ПАРАМ...

Когтистые пальцы Купоросова обхватили тоненькую Ритину шейку. И...

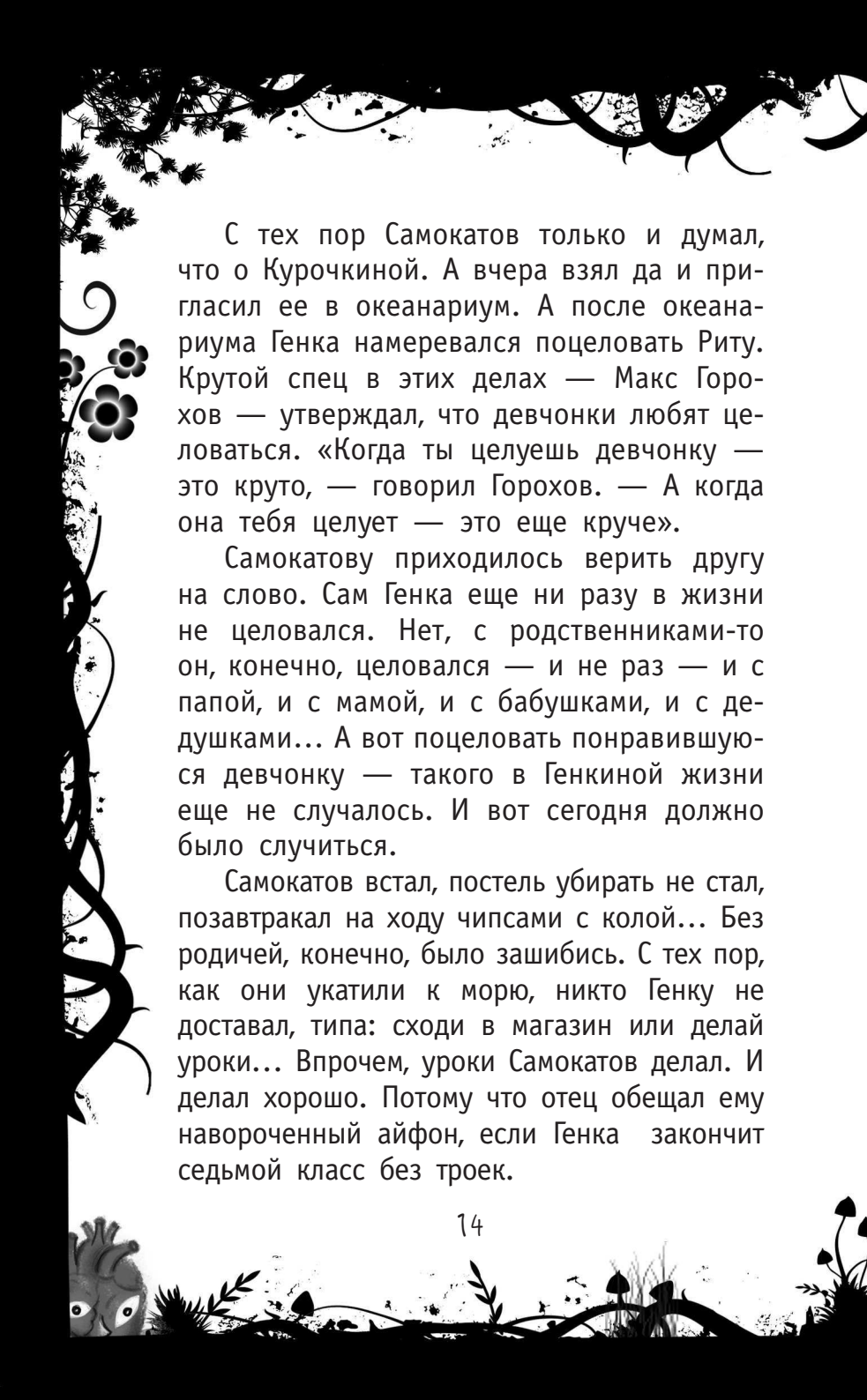

Глава II

ДЕВОЧКА-ВИДЕНИЕ

... И Генка Самокатов проснулся. «Ни фига ж себе, — подумал он. — Ну и бредятина...» Мало того, что ему приснилось, будто он — девчонка, его еще угораздило во сне влюбиться в директора школы. Наяву Купоросов был Генке до лампочки. А вот Нестерова Самокатову не нравилась: вечно злая, вечно в черном... Типичная ведьма.

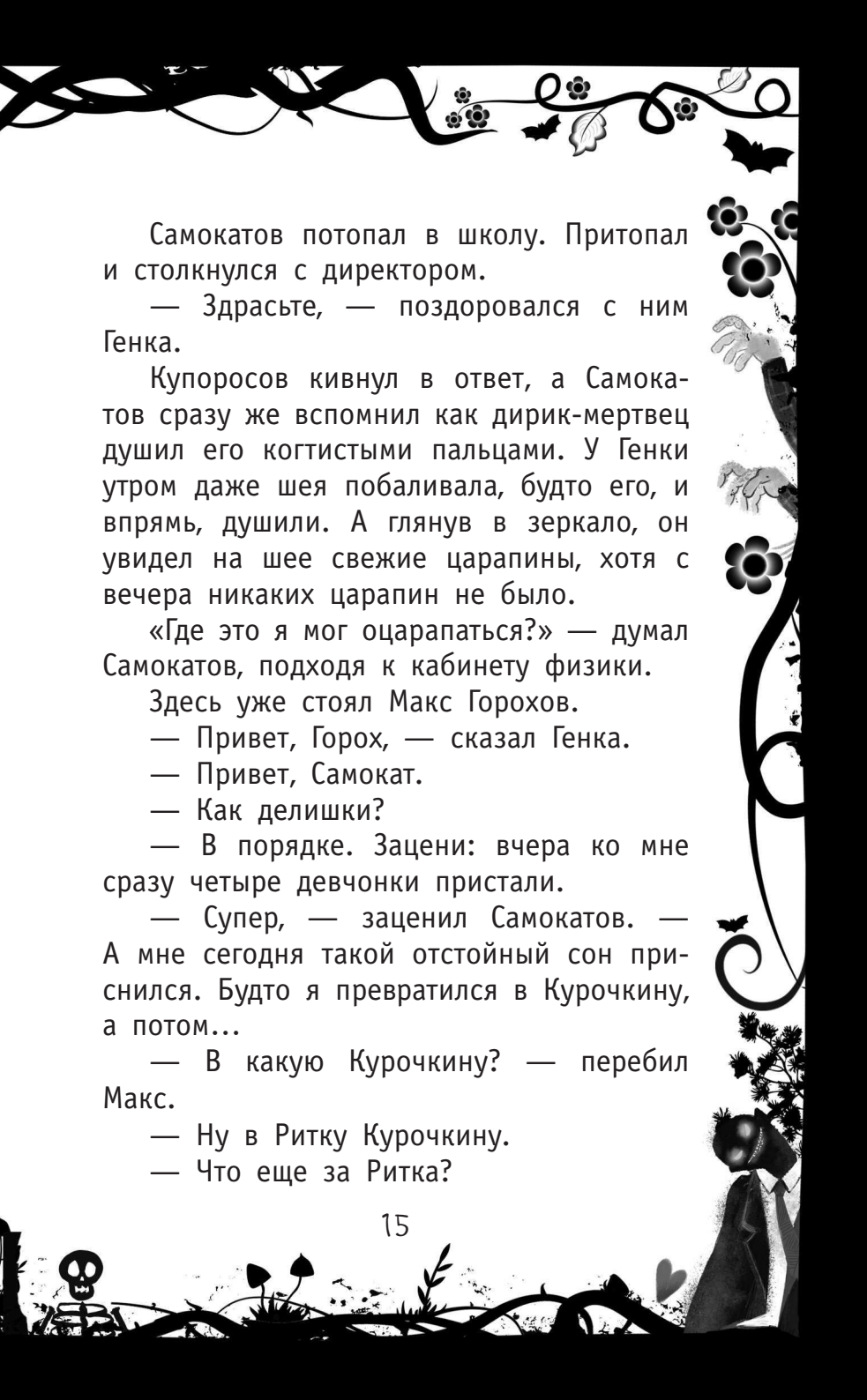
Зато уж кто Генке нравился, так это Рита Курочкина. До встречи с ней отношения с девчонками у Самокатова складывались не лучшим образом. Точнее, никак не складывались. Не то что у его друга и одноклассника Макса Горохова. Послушать Макса, так ему девчонки прохода не давали. Чуть ли не каждый день к нему приставали. А у Генки девчонок не было от слова «совсем». И не потому, что он был такой уж ботан. Просто они ему, как и дирик, были до лампочки, даже еще и дальше — до фонаря... И так продолжалось пока в 7-м «б» не появилась Рита. И Генка понял: пришла его первая любовь.

С тех пор Самокатов только и думал, что о Курочкиной. А вчера взял да и пригласил ее в океанариум. А после океанариума Генка намеревался поцеловать Риту. Крутой спец в этих делах — Макс Горохов — утверждал, что девчонки любят целоваться. «Когда ты целуешь девчонку — это круто, — говорил Горохов. — А когда она тебя целует — это еще круче».

Самокатову приходилось верить другу на слово. Сам Генка еще ни разу в жизни не целовался. Нет, с родственниками-то он, конечно, целовался — и не раз — и с папой, и с мамой, и с бабушками, и с дедушками... А вот поцеловать понравившуюся девчонку — такого в Генкиной жизни еще не случилось. И вот сегодня должно было случиться.

Самокатов встал, постель убирать не стал, позавтракал на ходу чипсами с коллой... Без родичей, конечно, было зашибись. С тех пор, как они укатили к морю, никто Генку не доставал, типа: сходи в магазин или делай уроки... Впрочем, уроки Самокатов делал. И делал хорошо. Потому что отец обещал ему навороченный айфон, если Генка закончит седьмой класс без троек.

Самокатов потопал в школу. Притопал и столкнулся с директором.

— Здравсьте, — поздоровался с ним Генка.

Купоросов кивнул в ответ, а Самокатов сразу же вспомнил как дирик-мертвец душил его когтистыми пальцами. У Генки утром даже шея побаливала, будто его, и впрямь, душили. А глянув в зеркало, он увидел на шее свежие царапины, хотя с вечера никаких царапин не было.

«Где это я мог оцарапаться?» — думал Самокатов, подходя к кабинету физики.

Здесь уже стоял Макс Горохов.

— Привет, Горох, — сказал Генка.

— Привет, Самокат.

— Как делишки?

— В порядке. Зацени: вчера ко мне сразу четыре девчонки пристали.

— Супер, — заценил Самокатов. — А мне сегодня такой отстойный сон приснился. Будто я превратился в Курочкину, а потом...

— В какую Курочкину? — перебил Макс.

— Ну в Ритку Курочкину.

— Что еще за Ритка?